

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 393.05.94

ПЛАЧИ СОВЕТСКИХ СКАЗИТЕЛЬНИЦ О РОДНЫХ-ГЕРОЯХ (МЕЖДУ ФОЛЬКЛОРОМ И ПРОПАГАНДОЙ)

© 2014 г.

И.В. Козлова

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

matira@dobre.ru

Поступила в редакцию 27.10.2013

Анализируется поэтика причитаний трех известных советских сказительниц по убитым на фронтах Великой Отечественной войны сыновьям: выявляются традиционные фольклорные мотивы, индивидуальное авторское начало, штампы, заимствованные из официальной советской прессы.

Ключевые слова: творчество советских сказителей, причитания, Великая Отечественная война, традиция, пропаганда патриотизма, официальная советская риторика.

Советская фольклористика с первых дней своего существования заявила об интересе к новым явлениям народного творчества. Так, еще в 1920-е гг. появилось понятие советского фольклора, которым обозначались в основном частушки и устные нарративы на советские темы. Во второй половине 1930-х гг., согласно установкам партии и благодаря работе советских фольклористов, появляются новые фольклорные жанры: «былины» и «плачи» о советских вождях, героях, событиях. Пласт этих произведений довольно велик (всего автору данной статьи известно около 500 текстов) и разнообразен (от «былин» о Ленине до «сказов» о выборах депутатов в районный совет): объединяло их советское содержание, ориентация на эпические и лиро-эпические фольклорные жанры и то, что сочинялись они не профессиональными поэтами, а людьми из народа. В истории отечественной культуры эти тексты, именуемые нами лиро-эпическими новообразованиями (далее – ЛЭН), занимают особое место: это не фольклор, потому что у каждого из них есть автор, и не литература, поскольку складывались они в основном устно. В целом это культурное явление можно обозначить как творчество советских сказителей. Возникнув в середине 1930-х гг.¹, оно быстро популяризовалось: к началу 1940-х гг. в советской периодике и сборниках было опубликовано уже больше полутора сотен ЛЭН советской тематики. Авторство большей части русскоязычных текстов принадлежало небольшому кругу сказителей русского Севера². Таким

образом, можно условно выделить некоторый круг «профессиональных» советских сказителей, т.е. тех представителей «народных масс», которые (обычно под руководством литературных кураторов) научились складывать ЛЭН на основе традиционных фольклорных форм и приобрели довольно большую известность.

В наши дни все эти произведения, высоко оцениваемые тогда, принято называть псевдофольклором³. Однако, как нам кажется, обобщить под этим ярлыком все лиро-эпические произведения, в которых выражается любовь к советской родине и советскому строю, было бы упрощением. Многие сказители, прославившиеся сочинением нового эпоса, одновременно были талантливыми исполнителями традиционных жанров, и в их творчестве есть произведения, которые нельзя отнести ни к традиционному фольклору, ни к псевдофольклору, сочиненному на заказ. Самым ярким примером таких текстов служат причитания советских сказительниц о своих сыновьях, погибших на Великой Отечественной войне.

Важно обратить внимание на то, что причитания по погибшим в боях за Советский Союз родным, наполненные патриотическими мотивами и ненавистью к Гитлеру, складывались и обычными носителями традиции. Множество таких текстов было записано во время войны и в первые послевоенные месяцы в экспедициях под руководством В.Г. Базанова на средней Печоре, в Заонежье и Пудожье⁴. В 1943 г., после первой из них, Базанов отмечал, что лучшие

сказительницы Печоры идут «по пути приближения старинного традиционного плача к своеобразным патриотическим поэмам» [4, с. 48] и этот «переход от традиционного рекрутского плача к плачу патриотическому обусловила сама действительность» [4, с. 49]. Т.С. Канева, анализируя причитания, записанные на Печоре в 1942 г., отмечала, что в 21 из 66 текстов, представленных в книге «Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера» (далее – РНБЛ), встречаются фразы «со словами *советский, колхоз/колхозный, партийный, Красная армия/красноармейский*» (курсив Т.С. Каневой) [7, с. 287]. Получается, что реалии советской действительности присутствуют в трети плачей, записанных на Печоре в 1942 г., в «обстановке самого обряда» [6, с. 8]. Еще выше процент текстов, включающих советские идеологемы, в Карелии. Это заметно при просмотре публикаций, представленных в РНБЛ, и подтверждается во вступительной статье к ней Базанова: «Тексты причитаний <...> только в незначительной своей части (значительной только для печорских записей) являются образцами традиционной причети» [6, с. 41].

В.Г. Базанов подчеркивал, что он и его коллеги не вели в экспедициях 1942–1945 гг. специальной работы с отдельными исполнителями: ими был выбран принцип сплошного обследования региона, но отмечал, что на многих их информанток оказали влияние плачи-сказы, публикуемые в 1930-е гг. В то же время среди известных сказительниц были те, чьи сыновья погибли на войне, и они, как простые крестьянские матери, оплакивали смерть своих детей. В числе сказительниц, потерявших сыновей на фронте, член Союза писателей СССР, автор 35 ЛЭН М.Р. Голубкова, член Союза писателей СССР А.В. Ватчиева, автор восьми ЛЭН А.Т. Конашкова.

Первым плачем о погибшем на войне сыне, попавшим на страницы прессы, был плач А.Т. Конашковой «Уж как сердце материнское». Отрывок из него был опубликован в республиканской газете Карело-Финской ССР «Ленинское знамя» в декабре 1944 года⁵, а в 1947 г. в сборнике «Фольклор советской Карелии» был опубликован полный текст.

Александра Тимофеевна Конашкова родилась в Пудожском районе Карелии⁶ в 1891 г., до войны жила в дер. Семеново в доме свекра, сказителя Ф.А. Конашкова, от которого переняла часть репертуара. В 1930-е гг. она сама приобрела славу и как исполнительница традиционных песен, и как сочинительница новых советских произведений. В довоенное время было опубликовано шесть ее ЛЭН: плачи по Ленину,

Чкалову, Крупской, сказы о XVIII съезде партии, войне в Испании, сражениях на озере Хасан. У нее было трое детей, старший из которых, Валентин Николаевич Конашков, погиб на войне между июлем 1943 и ноябрем 1944 гг.⁷ Сложенный по нему плач до декабря 1944 г. оказался в Карельском научно-исследовательском институте, после чего был опубликован. В.Г. Базанов высказывал предположение, что этот плач послужил образцом для некоторых других плачей, записанных в Пудожском районе летом 1945 г. [6, с. 39]. Александра Тимофеевна активно участвовала в общественной жизни: выступала на слетах сказителей в Петрозаводске, вероятно, выступала она и в сельских клубах в Семенове и Шале⁸. Предположение Базанова о том, что плач Конашковой мог повлиять на женщин Пудожского района, кажется довольно убедительным не только потому, что ее плач могли прочитать в газете, но и в связи с тем, что жительницы Шальского и Семеновского сельсоветов могли слышать ее плач на собраниях в клубе или при личном общении.

Плач А.Т. Конашковой «Уж как сердце материнское» начинается с традиционных причетных приемов – описания ночной тревоги, раннего подъема и прилета под окошко малой пташечки:

Уж как садилась я, горюшица,
Ко косивчату окошечку
<...>

В эту пору в это времечко

Прилетела птичка вещая... [11, с. 68–69].

Мотив «прилета вещи птицы», приносящей известие о смерти близкого, отмечен Г.С. Виноградовым как один из традиционных и хорошо разработанных региональных мотивов причитаний Карелии [12, с. 14]. В другой статье Г.С. Виноградова, написанной совместно с А.Н. Лозановой, при разборе поэтики причитаний подчеркивается, что «символика птиц является доминирующей» [13, с. 113] среди всей символики причитаний Карелии.

Плачя спрашивает птицу, с какой вестью она прилетела, на что птица ударяет клювом в стекло:

Птичка крылышки расправила,
По стеклу клювом ударила
И пропела жалким голосом
Уж я сразу догадалась,
Что недобро с сыном случилось [11, с. 69].

В.Г. Базанов отмечал, что мотивы причитаний могут напрямую соотноситься с бытующими суевериями и соответственно «традиционный образ перелетной птички, без которого вообще редко обходилась похоронная причеть, в современной пудожской причети сохраняет

прямое отношение к суеверному понятию вещей птицы» [6, с. 30]. Исследователь предполагает, что этот мотив не просто прием, т. к. многие его информантки уверяли, что «перед получением нерадостного известия на подоконник их избы прилетала птица и стучала клювом в оконное стекло» [6, с. 30].

Как мы видим, птица в причитании Конашковой, разговор с ней, ее «ответ» – все это устойчивые образы местной причетной традиции. Птицу сменяет темная туча, представленная в параллелизме с появлением почтальона с похоронным извещением:

Туча темная с пригромами
На мою хату надвинулась –
<...>

Почтальон в избу пихается,
Подает мне извещеньице [11, с. 69].

Г.С. Виноградов, показывая, как современные «вопленицы Карелии блюдут верность художественной традиции», приводит пример использования традиционной символики: «дом – гнездо, сад, *горе – туча темная* (курсив наш. – И.К.), мать с сиротами – утка с утятами» [12, с. 19] и т. д. Базанов также отмечал, что «туча темная» – «метафора, обычная для традиционных причитаний и народного эпоса» [6, с. 25].

Далее А.Т. Конашкова в традиционных причетных формулах описывает свое горе, что сменяется желанием отомстить виновникам смерти сына и сожалением о невозможности осуществить месть самостоятельно:

Мои силушки ослабили
А то я села б на добра коня
Поскакала бы в Германию... [11, с. 70].

Сожаление сказительницы сменяется уверенностью в том, что смерть ее сына непременно будет отомщена:

Уж я знаю, верно ведаю,
Что у нас в стране Советской
Есть печальщики народные,
Есть ведь Красная-то Армия,
Да родимый есть ведь батюшка
Иосиф свет Виссарионович
<...>

Отомстят злодею Гитлеру [11, с. 70–71].

На примере рассмотренного плача видно, как сказительница в одном тексте соединяет традиционную причетную поэтику, выражение личного чувства и официальную советскую идеологию. Весь отрывок, начиная с сожаления о своей неспособности, представлен 22 строчками из 99, т. е. плач известной советской сказительницы А.Т. Конашковой «Уж как сердце материнское» – это на 78% традиционный плач по погибшему на войне сыну. И лишь 22% в нем занимает выражение чувств ненависти к врагу и

любви к Родине и вождю. Причем последние 22 строчки легко можно поделить ровно пополам: 11 строк посвящены выражению личного чувства утраты, ненависти к Гитлеру, желанию поехать самой в Германию, а 11 последних строк посвящены уверенности в Красной Армии и вожде, которые в полной мере отомстят и за погибшее «дитяtko», и за материнское горе. Выражение личного чувства для жанра причитания допустимо, об этом не раз говорилось фольклористами, например, Ю.М. Соколов приводил примеры плачей времен Гражданской войны, в которых говорилось о добровольном уходе героя на фронт [14, с. 499], а М.К. Азатовский отмечал, что форма причитаний «необычайно емкая» и еще Барсовым использовался термин «политический плач» [15, с. 18]. Ненависть к Гитлеру (виновнику смерти сына) и желание мести за сына вполне можно объяснить личным материнским чувством, поэтому и предпоследние 11 строк можно определить как неформульные, но все же не выходящие за рамки традиции, т. е. в широком смысле традиционным плач является на 90%. Строки про Сталина не совсем типичны для советских плачей по официальным лицам. В плачах по Ленину и другим политикам и героям Сталин обычно называется по фамилии, чаще всего с добавлением к нему слова «товарищ» или с эпитетами «славный», «мудрый» и т. п. Например, в плаче той же Конашковой по Ленину говорится:

Как оставил он наследника,
А как мудрого да умного,
А родного нам ведь Сталина [16, с. 262].

Как и в других плачах по Ленину, Сталин в нем изображается в первую очередь преемником умершего вождя, поэтому его фигура презентуется с помощью других средств, чем в плаче по сыну. Вообще, несмотря на то что в прессе Сталин был назван «отцом народов» еще в 1936 г.⁹, из 36 ЛЭН о нем отцом он именуется только в 13, причем восемь из них сложены в военное и послевоенное время. Из довоенных ЛЭН, посвященных другим героям, именование правителя отцом встречается только в плачах по летчикам, что, вероятно, обусловлено тем, что именно представители этой профессии, осмысливались как «сыновья» вождя¹⁰. В плаче «Уж как сердце материнское» строки о Сталине звучат более неофициально, чем в любом из довоенных плачей. Получилось, что общий интимный тон причитания по близкому человеку подчинил своей риторике строки о самом официальном лице государства. Таким образом, плач А.Т. Конашковой можно считать аутентичным плачем с элементами импровизации, обусловленными реальной исторической ситуацией, и

небольшой долей пропаганды официального советского патриотизма, довольно органично вписанного в произведение.

На Великой Отечественной войне потеряла сына еще одна известная сказительница Карелии – Анистья Васильевна Ватчиева, 1888 г.р., жительница Петровского (ныне Кондопожского) района. Ее «Плач по сыну» был опубликован в 1947 г. в одном сборнике с плачем Конашковой. В 1930-е гг. А.В. Ватчиева прославилась плачами по Ленину, Кирову, Чкалову и в 1939 г. была принята в Союз советских писателей. У А.В. Ватчиевой было шестеро детей, один из которых, Ватчиев Василий Павлович, погиб на войне в ноябре 1943 г. Несмотря на то что ее плачи по политическим деятелям даже для советских ЛЭН кажутся чрезмерно политизированными и насыщенными газетными штампами, в плаче по сыну почти нет официальных советских клише.

Начинается плач с традиционного параллелизма темной тучи с начавшейся войной, но большую его часть составляют не традиционные формулы, а рассказ о своей жизни и своих детях:

Как повыстала тучка темная,
<...>

И как отправила двух сынков старших,
На защиту своей Родины,
Во ряды да Красной Армии [11, с. 65].

В этом плаче с первых же строк заявляется о защите героями Родины в рядах Красной Армии, однако в первой части плача пропаганда советского патриотизма этим и ограничивается. Проводы сыновей описываются в традиционных фразах горечи разлуки, далее говорится о письмах с фронта, описывается сон, в котором сказительнице снится сын и пробуждение от стука почтальона в окно:

Подают мне весточку да грамотку
<...>

Эта весточка не от сына милого,
А от командира да ведь полкового [11, с. 66].

За прочтением письма, точно так же как в плаче Конашковой и в тех же традиционных формулах, следует описание материнского горя, которое также переходит в проклятие Гитлеру:

И я кубышкой каталася,
<...>

Прокляла я врага да неприятеля
Немца-злодея людоедного [11, с. 67].

Текст Ватчиевой как традиционное причитание заканчивается на 76-й строчке, а с 77-й строчки он сменяется рассказом о младшем сыне, который просит у матери благословения идти на фронт, уходит и пишет матери письма, что успешно сражается и получает награды.

В плаче не упоминается ни Сталин, ни другие официальные имена, но само построение плача позволяет увидеть в нем пропаганду советского патриотизма: младший сын идет на фронт добровольцем мстить за старшего, и мать одобряет этот поступок. Получается, что в нем дается пример «образцового» советского юноши и «образцовой» советской матери. Доля причетных традиционных формул в нем меньше, чем у Конашковой, и присутствуют они только в первой части, последние 66 строк из 142, т.е. 46% плача можно назвать самостоятельным поэтическим сказом. Первая часть «Плача по сыну» похожа на плач «Уж как сердце материнское», но причетные формулы занимают в ней только половину, что почти в два раза меньше, чем у Конашковой. Общее количество причетных формул в плаче-сказе Ватчиевой оказывается чуть больше четверти, по нашим подсчетам, 28%. Безусловно, при сложении «Плача по сыну» сказался опыт сочинения исполнительницей советских произведений. Однако проявилось это не в использовании советской риторики, а в слишком вольном для рядовой плачеи обращении с текстом (рассказ о себе и своих переживаниях занимает больше половины) и слишком нетипичной для причитания «оптимистичной» концовке.

Двоих сыновей забрала война у знаменитой печорской сказительницы Маремьяны Романовны Голубковой. ЛЭН, сложенные М.Р. Голубковой о Ленине, Сталине, Красной Армии, колхозном строительстве и прочих достижениях советской власти, в довоенное время печатались в областных и центральных газетах и журналах и передавались по радио. Родилась М.Р. Голубкова в 1893 г., в дер. Голубково Печорского уезда (ныне Ненецкого АО) Архангельской области, в конце 1930-х гг. переехала с детьми в Нарьян-Мар. У Маремьяны Романовны было четыре сына и одна дочь, двое старших сыновей погибли на Великой Отечественной войне: второй сын, Андрей Фомич Голубков (1922 г.р.), в январе 1943 г., старший сын, Павел Фомич Голубков (1919 г.р.) – в январе 1944 г. Плачи М.Р. Голубковой по Андрею «Пусть падут слова материнские» и по Павлу «Отдал жизнь свою не жалеючи» были впервые опубликованы в 1949 г. в сборнике «Слово – силушка большая», полностью состоявшем из сложенных ею новин и плачей, подготовленном к печати литературным консультантом сказительницы Н.П. Леонтьевым.

Плач «Пусть падут слова материнские» начинается с описания получения исполнительницей письма с извещением о смерти сына, что

описывается в традиционной символике потери, отражающей одновременно реальную ситуацию:

Известили да написали:
 «Как из рук его опустили,
 Как из глаз его потеряли
 Как белый ли да снег растаял,
 И следов-то никто не собрал...» [20, с. 91].

Получение матерью письма или извещения о смерти сына для причитаний военного времени оказывается общим местом – это встречалось в плачах Конашковой и Ватчиевой, и в плачах многих рядовых исполнительниц. У Голубковой переживание утраты описано красочнее, чем в ранее рассмотренных плачах. От оплакивания потери сказительница переходит к выражению желания обрести птичьи перья и полететь на поиски могилы сына, далее – описание предполагаемого поиска и невозможность найти его следы. Это сменяется воспоминанием о том, как исполнительница провожала сына защищать родину, и гордостью за героизм своего ребенка:

Суряжала да спровожала
 На защиту да земли русской,
 <...>

За честь его молодецкую
 Во живых-то ему быть веки [20, с. 92].

На словах о чести и бессмертии заканчивается условно выделенная нами первая часть плача (42 строки из 106) и начинается вторая, которую можно назвать плачем-сказом. В ней сказительница снова обращается к своим чувствам и воспоминаниям: как растила своих детей и как горько ей оттого, что сын ее убит совсем молодым. Сына она сравнивает с только что выросшим деревцом, распустившимся цветком, налившейся ягодкой. Кручина сменяется проклятием Гитлеру:

За эту-то спелу ягоду
 Пусть падут слова материнские –
 Они крепче камня серого,
 Тяжелее-то кремня красного, –
 Пусть падут не на гору, не на воду, –
 Пусть падут на змеину голову,
 В ненадное горло Гитлера [20, с. 93].

Проклятие Гитлеру занимает 28 последних строк из 106 и напоминает заговор. Во всем плаче «Пусть падут слова материнские» нет ни одного упоминания Сталина, Советского Союза и даже Красной Армии, патристический момент здесь выражен фразой о «защите земли русской», что вполне могло встретиться и в плачах досоветского времени. Однако сочетание в одном тексте поэтики причитания, лирической песни (там, где речь идет о взрослении детей) и заговора и большого количества описаний ин-

дивидуальных переживаний отличает плач М.Р. Голубковой от плачей рядовых исполнительниц.

Плач М.Р. Голубковой по старшему сыну «Отдал жизнь свою не жалеючи» начинается с ожидания письма и получения вместо сыновнего письма извещения о его смерти. Тот же мотив, что встречался во всех рассматриваемых плачах, но здесь он оказывается развернутым на весь текст. Причитание состоит всего из 23 строк, в центре – получение нерадостного известия, описание своего горя и оплакивание погибшего, передаваемое косвенной речью письма:

Поместили мне, написали

Про ясного да сокола

<...>

«...Отдал храбрость да богатырскую

Он за русскую землю вольную,

За честной ли да трудовой народ...» [20, с. 97].

Сталина и других официальных лиц в этом плаче, как и в предыдущем, нет, но последние шесть строк слишком патетичны для традиционного причитания. Основной акцент плача в нем также сделан на том, что герой умер за «русскую землю», но более советским его делает выражение «за трудовой народ». Хотя выражение «трудовой народ» может использоваться в любой стране и в любое время, в данном случае понятно из контекста, что имеются в виду жители СССР, который представлен как страна тружеников.

Конечно, в плачах М.Р. Голубковой можно увидеть черты пропаганды советского патристизма: в обоих подчеркивается героическая смерть за Родину и за советский народ, оба заканчиваются не описанием материнского горя, а осознанием материнской гордости. То, что земля называется «русской», а не «советской», тоже соответствует официальной риторике второй половины войны, когда частота употребления словосочетаний «русская земля» и «русский народ» сильно возрастает в средствах массовой информации, а параллельно и в ЛЭН о советских героях. Однако штампов официального советского языка в них мало, даже строки о патристизме занимают в первом плаче всего 8% текста, а во втором 26%, но это обусловлено его маленьким размером (6 строчек из 23). При этом если второй плач на оставшиеся 74% можно назвать аутентичным причитанием, то в первом половину от оставшихся 92% будет составлять импровизационный (для плача) элемент, почерпнутый отчасти из других фольклорных жанров. В то же время стоит заметить, что высокий процент импровизации был свойственен и тем причитаниям Голубковой, которые запи-

сывал от нее Н.П. Леонтьев при первой встрече, т. е. до начала работы над сложением новин.

Стоит обратить внимание на то, что три из четырех рассмотренных текстов были опубликованы после дискуссий 1950-х гг. о советском фольклоре, полностью дискредитирующих все ЛЭН советской тематики. Плач А.Т. Конашковой был включен в РНБЛ, правда, две строки, посвященные Сталину, были из него изъяты, но другие 97, в том числе про Красную Армию, оставлены без изменений. Републикация этого плача в 1962 г. В.Г. Базановым оговаривалась во вступительной статье, где он отмечал, что собственноручные записи исполнительниц не включались в книгу, «исключение сделано лишь для одного текста А.Т. Конашковой» [6, с. 40]. Конкретной причины, почему этот текст был принят, не указывается, однако публикация его позволяет сделать вывод, что составители сборника признали текст аутентичным причитанием, не имеющим отношения к псевдофольклору, поскольку Базанов писал, что пудожские причитания можно подразделить на два вида: «причети в подлинном смысле этого слова <...> и причети-сказы, слагаемые <...> соответственно определенному художественному замыслу и теме» [6, с. 40], вторые были отвергнуты при отборе.

Оба плача М.Р. Голубковой были опубликованы в 1979 г. в книге «Печорские былины и песни» [21, с. 125–126]: плач по Павлу без изменений, плач по Андрею в сокращенном варианте – лишь первые 42 строки. Включение их в фольклорный сборник Н.П. Леонтьевым, который в конце 1940-х гг. выступил одним из инициаторов развенчания «псевдофольклора» и каялся в том, что был причастен к его записи, может послужить дополнительным свидетельством их аутентичности.

Рассмотренные произведения трех знаменитых советских сказительниц можно определить как традиционные причитания, поскольку этот жанр допускает определенную степень импровизации в выражении личных чувств, включение биографий и рассказов об обстоятельствах смерти героев. В то же время все они пропагандируют горячую любовь к Родине, изображая примеры образцовых советских воинов и стойких матерей, гордящихся своими детьми. В трех из них также звучит призыв к отмщению, к беспощадной борьбе с ненавистным Гитлером. Однако в данном случае пропаганда эта неосознанная, идущая не от желания соответствовать линии партии, а от обыденного сознания советского человека, испытавшего горе от войны, при этом читающего газеты и слушающего радио.

Во время Великой Отечественной войны наблюдается тенденция к сближению плачей рядовых исполнительниц и плачей «профессиональных» советских сказительниц. С одной стороны, многие из обычных крестьянок уже слышали или читали произведения своих знаменитых землячек: Базанов отмечал влияние плача А.Т. Конашковой на пудожских исполнительниц, Голубковой – на печорских: «На Печоре <...> в какой-то степени оказалось влияние известной сказительницы М.Р. Голубковой. Сказы М.Р. Голубковой передавались по местному радио» [6, с. 19]. С другой стороны, знаменитые советские сказительницы, складывая плачи по своим родным сыновьям, оказывались такими же «горюхами», как и любые другие матери, потерявшие детей, и плачи их были в первую очередь выражением личного горя. Получается, что общее народное горе, принесенное войной, стерло ту грань между аутентичным фольклором и пропагандистскими советскими текстами фольклорной формы, характерной для 1930-х гг.

Примечания

1. На русском языке первые тексты ЛЭН были записаны в 1937 г. Чуть раньше подобные произведения стали складываться певцами Средней Азии и Дагестана.

2. Из 167 ЛЭН, опубликованных на русском языке с 1937 г. до начала Великой Отечественной войны, 124 текста записаны в Архангельской области и Карелии.

3. См. об этом в работах Ф. Миллера [1], Т.Г. Ивановой [2], К.А. Богданова [3] и др.

4. Экспедиция на Печору проводилась летом 1942 г., в Заонежье – осенью 1944 г., в Пудожье – летом 1945 г. По «горячим следам» первой экспедиции была издана книга «Поэзия Печоры» [4], работа в карельских экспедициях была освещена в книге «За колючей проволокой» [5]. Позже материалы всех трех экспедиций, представленные наиболее полно, были объединены в книге «Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера» с вступительной статьей В.Г. Базанова [6].

5. Отрывок из плача был приведен внутри статьи Н. Клименко, посвященной экспедиции Карельского научно-исследовательского института в Заонежье [8]. А.Т. Конашкова не жила в Заонежье, и, следовательно, ее плач не мог быть записан в экспедиции, о которой шла речь. По всей видимости, он был прислан по почте в институт в самозаписи исполнительницы, но автор газетной статьи рассматривает его в ряду заонежских материалов. Возможно, Клименко включил его в статью просто по ошибке, но вероятнее всего потому, что среди плачей, записанных в Заонежской экспедиции, не нашел текста соответствующего в полной мере своим идеологическим и художественным запросам.

6. К.В. Чистов указывал, что А.Т. Конашкова родом из дер. Семеново [9, с. 416], но, по словам племянницы А.Т. Конашковой М.Е. Исаковой (интервью проводилось автором данной статьи в августе 2011 г.), Александра Тимофеевна была родом из Шалы.

7. Валентин Николаевич Конашков погиб не раньше июля 1943 г., т. к. есть письмо А.Т. Конашковой от 7 июля 1943 г. в Карельский научно-исследовательский институт, в котором она сообщает: «Сын в армии защищает родину» [10, с. 134]. Но не позже ноября 1944 г., т. к. 5 декабря 1944 г. в «Красной Карелии» был опубликован фрагмент плача.

8. В конце 1941 г. сгорел дом Конашковых в Семенове, где они жили большой семьей, после пожара А.Т. Конашкова, оставшись без жилья, переехала в Шалу, где у нее были родственники, и до конца войны жила там.

9. По утверждению Г.В. Костырченко, «12 апреля 1936 года в передовой «Правды» Сталин впервые был назван отцом народов СССР» [17, с. 8].

10. См. об этом в работах К. Кларк [18], Х. Гюнтера [19].

Список литературы

1. Миллер Ф. Сталинский фольклор / Пер. с англ. Л. Н. Высоцкого. СПб.: Академ. проект, 2006. 188 с.

2. Иванова Т.Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора / Подгот. А.Л. Топорков. М., 2002. С. 403–431.

3. Богданов К.А. Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры. М.: НЛО, 2009. 368 с.

4. Базанов В.Г. Поэзия Печоры. Сыктывкар: Коми Госиздат, 1943. 76 с.

5. Базанов В.Г. За колючей проволокой. Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск: Гос. изд-во КФ ССР, 1945. 72 с.

6. Базанов В.Г. Причитания Русского Севера в записях 1942–1945 гг. // Базанов В.Г., Разумова А.П. Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера. М.–Л., 1962. С. 3–44.

7. Канева Т.С. «Страна советская» в устьцилемских причитаниях (по записям экспедиции 1942 г.) // Образный мир традиционной культуры. М., 2010. С. 286–293.

8. Клименко Н. Народные плачи в неволе // Ленинское знамя. 1944. 5 декабря. №245. С. 3.

9. Причитания / Вступ. ст. и прим. К.В. Чистова; Подгот. текста Б.Е. Чистовой и К.В. Чистова. Л.: Советский писатель, 1960. 436 с.

10. Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Сост. Т.С. Курец. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2003. 405 с.

11. Фольклор советской Карелии / Подгот. текстов к печ. и прим. А. Беловановой и А. Разумовой; вступ. ст. В. Базанова. Петрозаводск: Гос. изд-во КФ ССР, 1947. 137 с.

12. Виноградов Г.С. Карельская причеть в новых записях // Русские плачи Карелии. Петрозаводск: Гос. изд-во КФ ССР, 1940. С. 4–20.

13. Виноградов Г.С., Лозанова А.Н. Плачи и сказы // Фольклор Карело-Финской ССРС: Сб. ст. Петрозаводск, 1941. Вып. 1. С. 105–131.

14. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М.: Учпедгиз, 1941. 557 с.

15. Азадовский М.К. Советская фольклористика за 20 лет // Советский фольклор. 1939. № 6. С. 3–53.

16. Конашкова А.Т. Потеряли вождя всенародного // Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940. С. 261–262.

17. Костырченко Г.В. Отец народов. Ленинская и сталинская национальная политика // Родина. 2003. № 2. С. 8–13.

18. Кларк К. Сталинский миф о «великой семье» // Соцреалистический канон. СПб., 2002. С. 785–796.

19. Гюнтер Х. Сталинские соколы // Вопросы литературы. 1991. № 11–12. С. 122–141.

20. Голубкова М. Слово – силушка большая: [Сказы] / Вступ. ст. Л. Скорино. Архангельск: Арханг. обл. гос. изд-во, 1949. 116 с.

21. Печорские былины и песни / Зап. и сост. Н. П. Леонтьев. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. 351 с.

FUNERAL LAMENTS OF SOVIET FOLK PERFORMERS FOR THEIR RELATIVES-HEROES (BETWEEN FOLKLORE AND PROPAGANDA)

I.V. Kozlova

An analysis is presented of the poetics of funeral laments of three well-known Soviet folk performers for their sons killed during the Great Patriotic war. Traditional folk motifs, individual features of the authors, and some clichés taken from the official Soviet press are identified.

Keywords: literary work of Soviet folk performers, funeral laments, Great Patriotic war, tradition, propaganda of patriotism, official Soviet rhetoric.

References

1. Miller F. Stalinskij fol'klor. Per. s angl. L.N. Vysockogo. SPb.: Akadem. proekt, 2006. 188 s.

2. Ivanova T.G. O fol'klornoj i psevdofol'klornoj prirode sovet'skogo jeposa // Rukopisi, kotoryh ne bylo. Poddelki v oblasti slavjanskogo fol'klora / Podgot. A.L. Toporkov. M., 2002. S. 403–431.

3. Bogdanov K.A. Vox populi: Fol'klornye zhanry sovet'skoj kul'tury. M.: NLO, 2009. 368 s.

4. Bazanov V.G. Pojezija Pechory. Syktyvkar: Komi Gosizdat, 1943. 76 s.

5. Bazanov V.G. Za koljučeju provolokoj. Iz dnevnika sobiratelja narodnoj slovesnosti. Petrozavodsk: Gos. izd-vo KF SSR, 1945. 72 s.

6. Bazanov V.G. Prichitanija Russkogo Severa v zapisjah 1942–1945 gg. // Bazanov V.G., Razumova A.P. Russkaja narodno-bytovaja lirika. Prichitanija Severa. M.–L., 1962. S. 3–44.
7. Kaneva T.S. «Strana sovetskaja» v ust'cilemskih prichitanijah (po zapisjam jekspedicii 1942 g.) // Obraznyj mir tradicionnoj kul'tury. M., 2010. S. 286–293.
8. Klimenko N. Narodnye plachi v nevole // Leninskoe znamja. 1944. 5 dekabnja. №245. S. 3.
9. Prichitanija / Vstup. st. i prim. K.V. Chistova; Podgot. teksta B.E. Chistovoj i K.V. Chistova. L.: Sovetskij pisatel', 1960. 436 s.
10. Nositeli fol'klornyh tradicij (Pudozhskij rajon Karelii) / Sost. T.S. Kurec. Petrozavodsk: Karel. nauch. centr RAN, 2003. 405 s.
11. Fol'klor sovetskoj Karelii / Podgot. tekstov k pech. i prim. A. Belovanovoj i A. Razumovoj; vstup. st. V. Bazanova. Petrozavodsk: Gos. izd-vo KF SSR, 1947. 137 s.
12. Vinogradov G.S. Karel'skaja prichet' v novyh zapisjah // Russkie plachi Karelii. Petrozavodsk: Gos. izd. KF SSR, 1940. S. 4–20.
13. Vinogradov G.S., Lozanova A.N. Plachi i skazy // Fol'klor Karelo-Finskoj SSSR: Sb. st. Petrozavodsk, 1941. Vyp. 1. S. 105–131.
14. Sokolov Ju.M. Russkij fol'klor. M.: Uchpedgiz, 1941. 557 s.
15. Azadovskij M.K. Sovetskaja fol'kloristika za 20 let // Sovetskij fol'klor. 1939. № 6. S. 3–53.
16. Konashkova A.T. Poterjali vozhdja vsenarodnogo // Russkie plachi Karelii. Petrozavodsk, 1940. S. 261–262.
17. Kostyrchenko G.V. Otec narodov. Leninskaja i stalinskaja nacional'naja politika // Rodina. 2003. № 2. S. 8–13.
18. Klark K. Stalinskij mif o «velikoj sem'e» // Socrealisticheskij kanon. SPb., 2002. S. 785–796.
19. Gjunter H. Stalinskie sokoly // Voprosy literatury. 1991. № 11–12. S. 122–141.
20. Golubkova M. Slovo – silushka bol'shaja: [Skazy] / Vstup. st. L. Skorino. Arhangel'sk: Arhang. obl. gos. izd-vo, 1949. 116 s.
21. Pechorskie byliny i pesni / Zap. i sost. N. P. Leont'ev. Arhangel'sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1979. 351 s.